

«СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР»

Константин ШЕБЕКО *	доктор экономических наук, профессор, Университет «Туран-Астана», Астана, Казахстан, k.shebeko@tau-edu.kz , https://orcid.org/0000-0003-3059-042X
Дмитрий ШЕБЕКО	кандидат экономических наук, старший ИТ аудитор, Bayer AG, Leverkusen Germany, орcid, dshabeka@gmail.com , ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-3944-2740

Дата поступления рукописи в редакцию: 30/09/2025

Доработано: 15/12/2025

Принято: 17/12/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1635

УДК 330.341.2

МРНТИ 06.52.41

Аннотация. В статье предлагается метод оценки социальной мобильности в странах бывшего СССР на основе сравнения качества элит и уровня человеческого капитала. Используя данные по 141 стране, авторы рассчитывают потенциальные значения индекса качества элит (Elite Quality Index) как функции от индекса человеческого капитала (Human Capital Index). Разница между рассчитанным и фактическим значением индекса интерпретируется как показатель эффективности социальной мобильности.

Идентифицирована связь этого показателя с рядом глобальных индексов: уровнем процветания (Legatum Prosperity Index), устойчивостью государства (Fragile States Index), восприятием коррупции (Corruption Perceptions Index), инновационной и сетевой готовностью (GII, NRI), а также уровнем социального капитала. Это подтверждает применимость предложенного подхода для анализа мобильности элит.

Предлагаемый показатель может использоваться для выявления барьеров социальной мобильности в постсоветских странах.

Ключевые слова: социальная мобильность, индекс качества элит, человеческий капитал, уровень экономического развития, страны бывшего СССР.

Аннотация. Мақалада бұрынғы КСРО құрамына кірген елдердегі әлеуметтік мобильділікті бағалау әдісі ұсынылады. Бұл әдіс әлиталардың сапасы мен адами капитал деңгейін салыстыруға негізделген. 141 ел бойынша деректерді пайдалана отырып, авторлар әлиталардың сапа индексінің (Elite Quality Index) әлеуетті мәндерін адами капитал индексінің (Human Capital Index) функциясы ретінде есептейді. Есептелген және нақты индекс мәндерінің арасындағы айырмашылық әлеуметтік мобильділіктің тиімділігін көрсететін индикатор ретінде түсініріледі. Атапған көрсеткіш пен бірқатар жаһандық индекстер арасындағы байланыс анықталған, олардың қатарына өркендеу деңгейі (Legatum Prosperity Index), мемлекеттің орнықтылығы (Fragile States Index), сыйбайлас жемқорлықты қабылдау деңгейі (Corruption Perceptions Index), инновациялық және жепілік дайындық көрсеткіштері (GII, NRI), сондай-ақ әлеуметтік капитал деңгейі кіреді. Бұл әлиталардың мобильділігін талдауда ұсынылған тәсілдің қолданбалы маңыздылығын растайды.

Ұсынылып отырган көрсеткіш посткөңестік елдердегі әлеуметтік мобильділікке кедерігі келтіретін факторларды анықтау үшін пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: әлеуметтік мобильділік, элита сапасының индексі, адам капиталы, экономикалық даму-дың деңгейі, бұрынғы КСРО елдері.

Abstract. The article proposes a method for assessing social mobility in the countries of the former USSR based on a comparison between elite quality and the level of human capital. Using data for 141 countries, the authors estimate potential values of the Elite Quality Index as a function of the Human Capital Index. The difference between the estimated and the observed index values is interpreted as an indicator of the effectiveness of social mobility. A relationship between this indicator and a number of global indices is identified, including the level of prosperity (Legatum Prosperity Index), state fragility (Fragile States Index), perceptions of corruption (Corruption Perceptions Index), innovation and network readiness (GII, NRI), as well as the level of social capital. This supports the applicability of the proposed approach to the analysis of elite mobility.

The proposed indicator may be used to identify barriers to social mobility in post-Soviet countries.

Keywords: social mobility, elite quality index, human capital, level of economic development, former USSR countries.

* Автор для корреспонденции: К.Шебеко, k.shebeko@tau-edu.kz

Введение

Проблема формирования и функционирования элит, их качества и социального происхождения занимает важное место в исследованиях по государственному управлению и устойчивому развитию. В странах постсоветского пространства, где институциональные системы прошли через масштабную трансформацию после распада СССР, до сих пор сохраняется их гибридный характер (Shabeko, 2022). В течение последних десятилетий в этих странах значительно улучшился человеческий капитал. Вместе с тем в ряде стран наблюдается разрыв между достигнутым уровнем человеческого капитала и сложившимся качеством элит, что может привести к снижению эффективности государственного управления и препятствовать устойчивому развитию.

Цель настоящего исследования заключается в оценке влияния социальной мобильности в постсоветских государствах на экономическое развитие.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: выполнить количественную оценку уровня социальной мобильности и изучить ее взаимосвязь с другими параметрами развития стран, отражающими их состояние в текущем периоде.

Теоретическая значимость исследования заключается в попытке соединить три направления: теория элит (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, С. Липсет), теория человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц) и институциональная теория развития (Д. Норт, Ф. Фукуяма, Э. Остром). Практическая значимость исследования состоит в эмпирической проверке существующих теорий и выдвигаемых гипотез на определенном историческом этапе в силу происходящих в обществе изменений.

Новизна полученных результатов заключается в обосновании количественной оценки социальной мобильности, базирующейся на измерении использования имеющегося человеческого капитала для формирования элит в актуальном историческом периоде, что позволяет прогнозировать экономическое развитие исследуемых стран и создает основу для обоснования адекватных условиям конкретных стран мер и инструментов институциональной политики.

Обзор литературы

Проблемы социальной мобильности были предметом внимания многих исследователей, в числе которых в качестве основоположников данной исследовательской программы следует указать Г. Моска, Р. Михельса, В. Парето, П. Сорокина, С. Липсета.

Mosca (n.d.) интерпретировал развитие общества как борьбу двух тенденций: стремления господствующей элиты удержать и передать по наследству власть и стремления контрэлиты изменить соотношение сил, что проявляется в виде чередования в развитии общества тенденций к стабилизации и обновлению.

Михельс показал, что контрэлиты регулярно поднимаются из масс и включаются в сложившиеся структуры власти и элиты (Osipova, 2010).

Процессы изменения элит исследовались и Парето. По его мнению, правящая элита обычно находится в состоянии постоянной медленной трансформации. Если этот процесс происходит слишком медленно, в высших слоях скапливаются элементы, олицетворяющие бессилие, разложение и упадок. Эти слои теряют психические качества, обеспечивающие их элитарное положение (Pareto, 1996).

Само понятие социальной мобильности ввел в научный дискурс Сорокин. Каналы социальной мобильности в его трактовке обеспечивают не только оценку способностей индивидов как таковых, но отбор тех способностей и знаний, которые необходимы для выполнения различных функций, и распределение индивидов по тем позициям, на которых они могли бы эффективно эти функции осуществлять. «Люди, занимающие положение, которому они не соответствуют, запросто могут уничтожить общество, но они не могут создать ничего ценного, и наоборот» (Sorokin, 2005, р. 194).

Sorokin (1927) указал возможные лифты социальной мобильности: армия, религиозные организации, школа и научные организации (например, конфуцианская система отбора чиновников), политический лифт (например, политические партии), искусство, пресса, телевидение, радио, экономические организации, семья и брак. В целом Sorokin (2005) оценивает социальную мобильность как явление положительное, характерное для динамически развивающихся обществ.

Липсет, сформулировал две причины того, почему в каждом обществе существует социальная мобильность: изменения в требованиях к производительности (*changes in demands for performance*) и изменения в поставке талантов (*changes in supplies of talent*). Первая причина связана с тем, что представители действующей элиты в определенный момент перестают соответствовать требованиям времени и их деятельность становится неэффективной. В этом случае представители более низких слоев готовы войти в состав элиты и быть более эффективными. Вторая причина связана с тем, что каждый этап развития общества требует новых специалистов, как например развитие цифровой экономики (Lipset & Bendix, 1992, p. 2-3).

В современной социологии значимость проблемы социальной мобильности обусловлена сосредоточением внимания на процессах изменения социальной структуры, изучением конфигурации и взаимосвязи социальных групп, отражающей систему социальной стратификации. Исследователи признают, что невозможно объяснить одно в отрыве от другого (Baturenko, 2014). Все более актуальной становится проблема взаимосвязи макро- и микроуровней процессов социальной мобильности или комбинации социоструктурного и индивидуализированного подходов: каковы субъективные представления людей и их оценки справедливости в определении шансов на жизненный успех; каким образом группы и индивиды воспринимают и интерпретируют свой социальный статус и собственные жизненные возможности (Semenova, 2016).

Однако можно констатировать, что несмотря на усилия исследователей, отсутствует общепринятая в научном сообществе методология оценки разрыва между потенциальным и фактическим уровнем качества элит в странах с переходной экономикой.

Blau & Duncan (1967), исследуя общество индустриального типа, объясняли высокий уровень социальной мобильности “господствующей тенденцией” к универсализму, предполагающему, что принятие решений не связано с конкретными ценностями и интересами каких-либо групп, а основывается на соображениях рациональности и эффективности. Следует отметить, что такой подход не только остается актуальным для обществ постиндустриального типа, но и позволяет выделить в качестве задачи исследования оценку эффективности сложившейся в конкретной стране системы социальной мобильности, результаты решения которой для стран, входивших в состав СССР, изложены в предлагаемой статье. При формировании рабочей гипотезы мы в качестве методологической предпосылки использовали основные положения теории государства, разработанной Дугласом Нортом и его последователями (North et al., 2011), результаты исследований Fukuyama (2004) и Ostrom (2011).

Методология

В качестве объекта исследования выступили страны постсоветского пространства. Взаимосвязь качества элит, человеческого капитала и уровня развития стран рассматривались как предмет исследования

Для исследования использовались следующие источники: Elite Quality Index (University of St. Gallen) — как индикатор качества элит с позиции их вклада в общественное благо; Human Capital Index (World Bank) — оценка потенциала человеческого капитала; World Bank Open Data — оценка уровня экономического развития; Corruption Perceptions Index (Transparency International) — как индикатор институциональных и моральных ограничений элит; Global Innovation Index (WIPO) — уровень инновационной активности и способности к развитию; World Values Survey / European Values Survey — восприятие гражданами социальных лифтов, доверия к институтам, ощущения справедливости.

Результаты получены на основе следующих методов исследования: сравнительный анализ — для выявления закономерностей и различий между странами региона; корреляционный анализ — для выявления взаимосвязей между показателями; кластерный анализ в сочетании с методологическим подходом, известным как «закономерности-тенденции» — для группировки стран по степени соответствия между человеческим капиталом, уровнем элит и другим показателями, характеризующими уровень развития исследуемых объектов.

Для формулирования гипотез использованы абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение и аналогия.

Интерпретация полученных результатов выполнялась на базе экономического рационализма с использованием принципа «при прочих равных условиях».

Ключевые исследуемые категории были операционализированы следующим образом. Человеческий капитал: индекс человеческого капитала (HCl); качество элит: Elite Quality Index, Legatum Prosperity Index, Fragile States Index, Индекс сетевой готовности, Global Innovation Index, Corruption Perceptions Index, GDP per capita, PPP (current international \$); институциональная среда: индекс доверия, доля рентных доходов в ВВП.

В качестве ограничений исследования приняты: неполная сопоставимость данных по некоторым странам региона из-за ограниченного доступа к статистике; сложности с прямым измерением «качества элит» — используются прокси-индикаторы (через индексы и восприятие); различие во временных срезах — взаимосвязь разных показателей сложно интерпретировать из-за эффекта временного лага; индексные источники могут не учитывать специфику отдельных стран (например, теневую политику, неформальные институты, политическую закрытость).

Тем не менее, по нашему мнению, применённые методы позволяют выстроить достаточно надёжную базу для оценочных суждений по исследуемым проблемам.

Результаты

Основываясь на фундаментальном положении экономической науки об оптимальном использовании ограниченных ресурсов, мы предположили, что в качестве ресурса для формирования элит можно рассматривать человеческий капитал. Для проверки этой гипотезы использован экономико-статистический метод. Проблема измерения решена следующим образом. Для количественной оценки уровня располагаемого странами человеческого капитала использован индекс человеческого капитала (human capital index) (World Bank, n.d.). Нами были использованы данные 2020 года. Для количественной оценки уровня элит использован индекс качества элит (elite quality index), являющийся результатом исследовательского проекта международной программы Университета Санкт-Галлена (Universität St. Gallen). Индекс позиционируется разработчиками как новый глобальный индикатор оценки страновых возможностей роста и развития, демонстрируя, как действия элит способствуют или препятствуют развитию тех или иных государств. При составлении рейтинга используется оригинальная методика измерения качества элит и их влияния на развитие исследуемых стран, согласно которой элиты, обладающие преимущественно позитивной силой развития, имеют высшее качество, а элиты, оказывающие негативное влияние на развитие своих стран, соответственно, низшее качество. Описание методологии формирования Индекса и источников данных для него приводится на сайте проекта по результатам очередного сравнительного исследования (<http://elitequality.org/>) (Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2023).

Взаимосвязь Индекса качества элит (Elite Quality Index) и Индекса человеческого капитала (Human Capital Index) нам удалось представить в виде с модели, опубликованной нами ранее (Shebeko & Shabeko, 2024).

Базируясь на данной модели, нами выполнено сравнение стран, входивших в состав СССР. Основная идея заключается в сравнении расчетного (полученного в результате моделирования) уровня качества элит и фактически достигнутого в анализируемых странах. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Качество элит и уровень человеческого капитала стран, входивших в состав СССР

Страна	Индекс человеческого капитала 2020 (human capital index)	Индекс качества элит (elite quality index)			Потенциальный индекс качества элит (elite quality index)
		2021	2022	2023	
Азербайджан	0,58	52,9	50,9	48,0	49,3
Армения	0,58	44,9	44,8	44,7	49,3
Беларусь	0,70	51,3	50,2	46,9	55,5
Грузия	0,57	48,0	46,6	48,2	48,9

Казахстан	0,63	52,2	52,0	53,1	51,6
Кыргызстан	0,60	42,3	42,9	43,0	50,2
Латвия	0,71	54,2	54,3	52,3	55,1
Литва	0,71	57,9	57,0	52,3	55,1
Молдова	0,58	48,3	48,1	50,9	49,3
Российская Федерация	0,68	48,9	48,3	44,6	54,7
Таджикистан	0,50	39,6	43,0	43,7	45,8
Туркменистан	43,5	42,4	X
Узбекистан	0,62	46,4	46,4	45,8	51,1
Украина	0,63	47,3	46,6	47,1	51,6
Эстония	0,78	62,9	63,1	61,5	58,3

Примечание: таблица составлена авторами на основе *Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2023; Casas & Cozzi, 2023; Casas & Cozzi, 2022*

По Туркменистану расчеты не выполнялись, так как в открытом доступе нет соответствующих исходных данных.

Для оценки значимости показателя отклонения расчетного уровня качества элит на основе располагаемого человеческого капитала от фактически достигнутого конкретной страной, который использован нами для количественной оценки социальной мобильности, изучена его взаимосвязь с другими показателями, характеризующими развитие стран.

Таблица 2. Отклонение расчетного индекса качества элит от его фактического значения и общие показатели развития стран

Интервал отклонения расчетного индекса качества элит от его фактического значения, в процентах	Фактический индекс качества элит в процентах к расчетному, в среднем по группе	Уровень процветания 2023 (Legatum Institute: Legatum Prosperity Index), в среднем по группе	Уровень слабости 2022 (Fund for Peace: Fragile States Index), в среднем по группе	Индекс сетевой готовности 2015 (The Networked Readiness Index), в среднем по группе	Индекс сетевой готовности 2022 (Portulans Institute: Networked Readiness Index), в среднем по группе
Менее 90,7 (Армения, Узбекистан, Кыргызстан, Беларусь, Российская Федерация)	85,8	57,5	72,1	4,1	50,32
90,8 - 97,4 (Азербайджан, Таджикистан, Латвия, Литва, Украина)	95,1	62,4	65,1	4,2	52,16
Более 97,5 (Эстония, Молдова, Казахстан, Грузия)	102,3	64,6	59,6	4,5	54,73
Итого, в среднем	94,4	61,5	65,6	4,3	52,30

Примечание: таблица составлена авторами на основе *Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2023; Casas & Cozzi, 2023; Casas & Cozzi, 2022; Vsemirnyy ekonomicheskiy forum, 2015.*

В странах, вошедших в первую группу, отношение фактического индекса качества элит к расчетному ниже среднему значению по совокупности исследуемых стран на 8,6 процентных пункта, в то время как по второй и третьей группе оно выше, соответственно, на 0,7 и 7,9 процентных пункта. Уровень процветания в странах третьей группы выше на 12,3 %, чем в странах первой группы и на 3,5 % по сравнению со второй. По уровню слабости страны первой группы уступают странам второй группы 10,8 % и 21,0 % странам, вошедшим в третью группу. Представляет интерес и сравнение стран по индексу сетевой готовности, отражающему успешность стран в условиях новой технологической революции. По итогам 2015 года страны, вошедшие в третью группу, превосходили страны первой группы на 9,8 %, а страны второй группы – на 9,3 %. По итогам 2022 года, соответственно, на 8,8% и 4,9 %.

Таблица 3. Отклонение расчетного индекса качества элит от его фактического значения и показатели, определяющие динамику развития стран

Интервал отклонения расчетного индекса качества элит от его фактического значения, в процентах	Уровень доверия (2017-2022) в среднем по группе, % (большинству людей можно доверять)	Индекс восприятия коррупции 2015 (Transparency International: Corruption Perceptions Index), в среднем по группе	Индекс восприятия коррупции 2022 (Transparency International: Corruption Perceptions Index), в среднем по группе	Индекс инноваций 2014 (Global Innovation Index), в среднем по группе	Индекс инноваций 2023 (INSEAD, WIPO: Global Innovation Index), в среднем по группе
Менее 90,7 (Армения, Узбекистан, Кыргызстан, Беларусь, Российская Федерация)	18,7	28,5	34,2	33,1	26,9
90,8 - 97,4 (Азербайджан, Таджикистан, Латвия, Литва, Украина)	21,8	39,6	40,2	35,1	31,2
Более 97,5 (Эстония, Молдова, Казахстан, Грузия)	23,5	45,8	51,3	39,9	35,1
Итого, в среднем	21,3	38,0	41,9	36,0	31,1

Примечание: таблица составлена авторами на основе Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2023; Casas & Cozzi, 2023; Casas & Cozzi, 2022; World Values Survey, 2017–2022; Transparency International, 2016; INSEAD, 2014.

Аналогичная картина складывается и по таким важным для развития современных обществ показателям как восприятие коррупции и инновационная деятельность. Так, страны третьей группы превосходят страны первой группы по индексу восприятия коррупции в 2015 году на 60,7%, страны второй группы – на 15,7 %. Соответственно, по итогам 2022 года – на 50,0 % и 27,6%. Индекс инноваций у стран третьей группы в 2014 году выше по сравнению со странами первой группы на 20,5 % и на 13,7 % по сравнению со второй. Соответственно, в 2023 году – на 30,5 % и 12,5 %.

Уровень социального капитала (оценка проводилась нами на основе показателя уровня доверия (Shebeko & Shabeko, 2020)) у стран, вошедших в третью группу, выше, чем у стран второй группы на 7,8 % и на 25,7 % по сравнению со странами первой группы.

Основываясь на положении о континууме уровня качества элит, выдвинутом Хадсоном, который разделял элиты на играющие трансформирующую и направляющую роль в экономике, и элиты, реализующие модель капитализма «рантье» (Hudson, 2021), мы изучили ситуацию с рентными доходами в исследуемых странах (табл. 4).

Таблица 4. Динамика доли рентных доходов

Страна	Доля рентных доходов в ВВП, %						Изменение за период, п.п.
	1997	2002	2007	2012	2017	В среднем	
Азербайджан	14,9	25,7	39,2	31,5	21,0	26,9	+6,1
Армения	0,6	0,5	1,3	4,1	5,8	2,0	+5,2
Беларусь	3,1	1,8	1,5	1,8	1,4	1,6	-1,7
Грузия	0,4	0,6	1,2	1,5	1,1	1,0	+0,7
Казахстан	9,3	21,7	26,7	24,4	16,2	20,7	+6,9
Кыргызстан	1,5	2,1	3,8	2,2	8,5	5,4	+7,0
Латвия	2,1	1,7	1,0	1,3	0,9	1,4	-1,2
Литва	1,0	0,8	0,5	0,5	0,3	0,6	-0,7
Молдова	0,3	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0
Российская Федерация	7,4	17,5	17,0	15,9	10,7	14,9	+3,3
Таджикистан	0,7	0,5	0,9	1,9	5,7	1,4	+5,0
Туркменистан	30,9	63,5	62,2	38,9	17,4	42,1	-13,5
Узбекистан	8,4	24,9	29,6	25,1	14,7	20,2	+6,3
Украина	1,9	4,2	7,9	6,9	4,0	5,5	+2,1
Эстония	1,8	1,8	0,8	2,14	1,0	1,5	-0,8

Примечание: таблица составлена авторами на основе World Bank, n.d.

На основании данных таблицы 4 можно сделать вывод, что общий тренд региона характеризуется сохранением высокой рентной зависимости у ресурсных стран и постепенным снижением — у европейских стран и стран с развитой институциональной средой. При этом следует отметить, что нерыночные и сырьевые экономики демонстрируют наибольшую волатильность рентных доходов.

Принимая во внимание роль рентных доходов в развитии стран (Shebeko et al., 2021), нами изучена взаимосвязь отклонения расчетного индекса качества элит от его фактического значения и доли рентных доходов в валовом внутреннем продукте постсоветских государств (табл. 5).

Таблица 5. Социальная мобильность и доля рентных доходов в валовом внутреннем продукте

Интервал отклонения расчетного индекса качества элит от его фактического значения, в процентах	Фактический индекс качества элит в процентах к расчетному, в среднем по группе	Доля рентных доходов в ВВП в среднем за 1997-2017 гг., в среднем по группе, %	Рост доли рентных доходов в ВВП за 1997-2017 гг., в среднем по группе, п.п.
Менее 90,7 (Армения, Узбекистан, Кыргызстан, Беларусь, Российская Федерация)	85,8	8,82	4,02
90,8 - 97,4			

(Азербайджан, Таджикистан, Латвия, Литва, Украина)	95,1	7,16	2,26
Более 97,5 (Эстония, Молдова, Казахстан, Грузия)	102,3	5,87	1,7
Итого, в среднем	94,4	7,3	2,66

Примечание: таблица составлена авторами на основе Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2023; Casas & Cozzi, 2023; Casas & Cozzi, 2022; World Bank, n.d.

Как видно из данных таблицы 5, доля рентных доходов в валовом внутреннем продукте у стран, вошедших в первую и вторую группу значительно выше. Следует также отметить и тенденцию к увеличению разрыва между странами по этому показателю.

Нами также выполнена оценка влияния качества элит на экономическое развитие в постсоветских странах. В качестве показателя уровня экономического развития использован ВВП на душу населения по ППС в международных долларах в текущих ценах. Взаимосвязь индекса качества элит (elite quality index) и ВВП на душу населения по ППС в международных долларах в текущих ценах (GDP per capita, PPP (current international \$)) нам удалось представить в виде модели, опубликованной нами ранее (Shebeko & Shabeko, 2024). Базируясь на данной модели, нами выполнено межстрановое сравнение постсоветских государств. Результаты представлены в таблицах 6 и 7.

Таблица 6. Качество элит и уровень экономического развития стран, входивших в состав СССР

Страна	Фактический ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах, международные доллары, тыс. (GDP per capita, PPP (current international \$))						Расчетный ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах, международные доллары, тыс
	2000	2010	2020	2021	2022	2023	
Азербайджан	4,1	14,4	14,5	28,8	24,4	18,0	
Армения	4,1	9,3	13,3	11,1	10,8	10,6	
Беларусь	8,1	17,3	20,2	25,3	22,8	15,5	
Грузия	4,9	9,7	14,8	18,0	14,8	18,4	
Казахстан	12,8	20,8	26,7	27,3	26,8	29,3	
Кыргызстан	3,1	4,1	5,0	6,6	6,8	6,8	
Латвия	12,9	21,0	32,2	31,7	32,0	27,5	
Литва	13,9	24,0	39,2	40,0	38,0	27,5	
Молдова	5,4	8,6	13,0	18,6	18,2	24,4	
Российская Федерация	14,8	24,3	28,2	20,0	18,6	10,4	
Таджикистан	1,3	2,3	3,9	0	6,8	8,4	
Туркменистан	4,6	8,6	...	x	7,9	5,3	
Узбекистан	2,8	4,7	7,7	14,4	14,4	13,1	
Украина	4,8	7,8	13,1	16,4	14,8	16,0	
Эстония	17,8	26,2	37,9	51,1	51,5	48,0	

Примечание: таблица составлена авторами на основе Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2023; Casas & Cozzi, 2023; Casas & Cozzi, 2022; World Bank, n.d.

Основываясь на данных, представленных в таблице 6, страны, входившие в состав СССР можно разделить на две группы. Первая: страны с отрицательным влиянием динамики качества элит на экономический рост (Азербайджан, Армения, Беларусь, Латвия, Литва, Российская Федерация, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония). Вторая: страны с положительным влиянием динамики качества элит на экономический рост (Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан).

Таблица 7. Относительные показатели качества элит и уровня экономического развития стран, входивших в состав СССР

Страна	Фактический ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах, международные доллары (GDP per capita, PPP (current international \$)), в процентах к среднему по совокупности			Расчетный ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах, международные доллары, в процентах к среднему по совокупности		
	2000	2010	2020	2021	2022	2023
Азербайджан	53,2	106,7	75,1	130,3	118,4	96,8
Армения	53,2	68,9	68,9	50,2	52,4	57,0
Беларусь	105,2	128,1	104,7	114,5	110,7	83,3
Грузия	63,6	71,9	76,7	82,4	71,8	98,9
Казахстан	166,2	154,1	138,3	123,5	130,1	157,5
Кыргызстан	40,3	30,4	25,9	29,9	33,0	36,6
Латвия	167,5	155,6	166,8	143,4	155,3	147,8
Литва	180,5	177,8	203,1	181,0	184,5	147,8
Молдова	70,1	63,7	67,4	84,2	88,3	131,2
Российская Федерация	192,2	180,0	146,1	90,5	88,8	55,9
Таджикистан	16,9	17,0	20,2	X	33,0	45,2
Туркменистан	59,7	63,7	...		38,3	28,5
Узбекистан	36,4	34,8	39,9	65,2	69,9	70,4
Украина	62,3	57,8	67,9	74,2	71,8	86,0
Эстония	231,2	194,1	196,4	231,2	250,0	258,0

Примечание: таблица составлена авторами на основе Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2023; Casas & Cozzi, 2023; Casas & Cozzi, 2022; World Bank, n.d.

Данные таблицы 7 позволяют оценить прогнозируемую динамику уровня экономического развития страны относительно других стран, входивших в состав СССР. Улучшают свои позиции Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Молдова, Таджикистан, Узбекистан, Украина, Эстония. В то время можно констатировать ухудшение позиций таких стран как Азербайджан, Беларусь, Литва, Российская Федерация, Туркменистан.

Обсуждение

Полученные результаты обобщены нами в следующем виде (табл. 8).

Таблица 8. Результативность процессов социальной мобильности в странах, входивших в состав СССР

Страна	Индекс человеческого капитала (human capital index 2020)	Потенциальный Индекс качества элит (elite quality index)	Фактический индекс качества элит к потенциальному, % (уровень социальной мобильности)	Фактический ВВП 2020 г. на душу населения по ППС в текущих ценах, международные доллары, тыс. (GDP per capita, PPP (current international \$))	Возможный ВВП на душу населения по ППС на основе потенциального индекса качества элит (elite quality index) в текущих ценах, международные доллары, тыс.	Фактический ВВП на душу населения 2020 к возможному на основе потенциального Индекса качества элит (elite quality index), %
Азербайджан	0,58	49,3	97,4	14,5	20,8	69,7
Армения	0,58	49,3	90,7	13,3	20,8	63,9
Беларусь	0,70	55,5	84,5	20,2	34,6	58,4
Грузия	0,57	48,9	98,6	14,8	20,0	74,0
Казахстан	0,63	51,6	102,9	26,7	26,0	102,7

Кыргызстан	0,60	50,2	85,6	5,0	22,8	21,9
Латвия	0,71	55,1	94,9	32,2	33,7	95,5
Литва	0,71	55,1	94,9	39,2	33,7	116,3
Молдова	0,58	49,3	103,2	13,0	20,8	62,5
Российская Федерация	0,68	54,7	81,5	28,2	32,9	85,7
Таджикистан	0,50	45,8	95,4	3,9	13,1	29,8
Туркменистан	...	X	X	...	X	X
Узбекистан	0,62	51,1	89,6	7,7	24,8	31,0
Украина	0,63	51,6	91,3	13,1	26,0	50,4
Эстония	0,78	58,3	105,5	37,9	40,8	92,9

Примечание: таблица составлена авторами на основе *World Bank, n.d.; Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2023; Casas & Cozzi, 2023; Casas & Cozzi, 2022.*

Фактический ВВП на душу населения в исследуемом периоде превышает возможный, рассчитанный на основе потенциального индекса качества элит, для Казахстана и Литвы. Наибольший разрыв по этому параметру наблюдается для Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана (менее половины потенциального ВВП на душу населения).

В целом, на наш взгляд, достаточно оснований считать полученные результаты согласующимися с исследованиями других авторов. Так, Golden & Nazrullaeva (2023) отмечают, что клиентелизм широко распространён и может конкурировать с формальными институтами в условиях, когда институты слабы, или недостаточно прозрачны.

Исследование World Bank (2021) обосновывает зависимость эффективности инвестиций в человеческий капитал от реформ институтов управления в авторитарных и гибридных режимах. Вместе с тем, Acemoglu & Robinson (2012) констатируют, что политические элиты, не заинтересованные в инклюзии, склонны блокировать развитие институтов, которые могли бы способствовать использованию человеческого капитала в общественных целях.

Исследования A. Mungiu-Pippidi (2010) позволяют сделать вывод о наличии институциональных ловушек социальной мобильности в посткоммунистических странах. Несмотря на формальное введение демократических процедур, реституционных механизмов, рыночных реформ, доступ к ресурсам и власти остаётся под контролем постсоветских элит, которые унаследовали свои позиции в результате принадлежности к бюрократической и партийной иерархии периода позднего социализма. Такие элиты используют административные ресурсы, персональные связи и неформальные каналы влияния для воспроизведения своего статуса. Это приводит к формированию барьеров для «входа» новых социальных акторов в элиту, что блокирует процессы социальной мобильности.

Таким образом, мы полагаем, что приведенные выше результаты, полученные другими исследователями, могут рассматриваться в качестве объяснительной базы вариативности предлагаемого нами показателя мобильности элит.

Заключение

Сравнение стран по величине отклонения фактического качества элит от предлагаемого расчётного уровня показывает, что страны с низкой мобильностью (первая группа) характеризуются низким качеством элит, высоким уровнем слабости институтов, низким доверием и существенными коррупционными барьерами. В то же время страны с высокой мобильностью (третья группа) демонстрируют высокие показатели процветания, инновационности и доверия.

Показатели доли рентных доходов и ее роста уменьшаются по мере улучшения социальной мобильности. Анализ рентных доходов (табл. 4–5) демонстрирует, что страны первой группы имеют наиболее высокую долю рентных доходов в ВВП, а также более высокие темпы их роста, а страны третьей группы — наименьшую долю ренты.

Исследуемые страны с примерно одинаковым уровнем человеческого капитала демонстрируют разные значения качества элит и уровня развития. Разрыв между потенциальным и фактическим качеством элит, на наш взгляд, может рассматриваться как показатель эффективности социальной мобильности.

Предложенный в статье подход, сравнивающий расчётоное качество элит с фактическим, позволяет выявить страны, где потенциал элит используется недостаточно (негативное

отклонение). Следовательно, эта методика открывает возможность мониторинга институциональной эффективности.

В качестве направлений дальнейших исследований представляется целесообразным углублённый анализ механизмов преобразования человеческого капитала в элитный потенциал для выявления причин институционального разрыва между человеческим капиталом и качеством элит. Представляет интерес и моделирование влияния социальной мобильности на экономический рост, что позволит более строго количественно оценить вклад мобильности в экономическое развитие. В свою очередь, это могло бы послужить основой разработки альтернативных сценариев развития постсоветских стран в зависимости от мобильности элит.

References

- Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Crown Business.
- Baturenko, S. A. (2014). *Teorii sotsial'noy mobil'nosti v istorii sotsiologicheskoy mysli* [Theories of social mobility in the history of sociological thought]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-sotsialnoy-mobilnosti-v-istorii-sotsiologicheskoy-mysli>
- Blau, P. M., & Duncan, O. D. (1967). *The American occupational structure*. John Wiley & Sons.
- Casas, T., & Cozzi, G. (2022, April 28). Elite Quality Report 2022: Country scores and global rankings. Seismo. <https://doi.org/10.33058/seismo.30769.0001>
- Casas, T., & Cozzi, G. (2023, April 25). Elite Quality Report 2023: Country scores and global rankings. Seismo. <https://ssrn.com/abstract=4418550>
- Fukuyama, F. (2004). *State-building: Governance and world order in the 21st century*. Cornell University Press.
- Golden, M. A., & Nazrullaeva, E. (2023). *The puzzle of clientelism: Political discretion and elections around the world*. Cambridge University Press.
- Hudson, M. (2021, January). The rentier resurgence and takeover: Finance capitalism vs. industrial capitalism [Blog post]. Michael Hudson. On finance, real estate and the powers of neoliberalism. <https://michael-hudson.com/2021/01/the-rentier-resurgence-and-takeover-finance-capitalism-vs-industrial-capitalism>
- INSEAD. (2014, July 18). *Global'nyy indeks innovatsiy 2014 goda* [Global Innovation Index 2014]. Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. <https://gtmarket.ru/news/2014/07/18/6841>
- Lipset, S. M., & Bendix, R. (1992). *Social mobility in industrial society*. Transaction Publishers.
- Mosca, G. (n.d.). *Pravyashchiy klass: tserkvi, partii, sekty* [The ruling class: Churches, parties, sects] (T. N Samsonova, Trans.). http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/article/Mosk_PrKlass.php
- Mungiu-Pippidi, A. (2010). *A tale of two villages: Coerced modernization in the East European countryside*. Central European University Press.
- North, D., Wallis, D., & Weingast, B. (2011). *Nasiliye i sotsial'nye poryadki: Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and social orders: Conceptual frameworks for interpreting the written history of humanity] (D. Uelner et al., Trans.). Izdatel'stvo Instituta Gaidara.
- Osipova, E. V. (2010). *Mikheil's [Michels]*. In V. S. Stepin (Ed.), *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia] (2nd ed.). Mysl'.
- Ostrom, E. (2011). *Upravlyayushchiy obshchim: Evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatel'nosti* [Governing the commons: The evolution of institutions for collective action] (Trans.). Mysl'; IRISEN.
- Pareto, V. (1996). *O primenenii sotsiologicheskikh teoriy* [On the application of sociological theories]. Sotsiologicheskie issledovaniya, (2), 115–124; (7), 119–127; (10), 139–144.
- Semenova, V. V. (2016). *Sub"ektivnaya sotsial'naya mobil'nost': vozmozhnosti kachestvennogo podkhoda* [Subjective social mobility: possibilities of a qualitative approach]. Sotsiologicheskie issledovaniya, (6), 84–93.
- Shabeko, D. K. (2022). *Transformatsiya institutsional'noy sistemy postkomandnoy ekonomiki* [Transformation of the institutional system of the post-command economy] (Candidate's dissertation). Saint Petersburg, Russia.
- Shebeko, K. K., & Shabeko, D. K. (2020). *Institutsional'noye doveriye kak faktor ekonomicheskogo razvitiya: Empiricheskiy analiz* [Institutional trust as a factor of economic development: An empirical analysis]. Ekonomika i banki, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnoe-doverie-kak-faktor-ekonomicheskogo-razvitiya-empiricheskiy-analiz>
- Shebeko, K. K., & Shabeko, D. K. (2024). *Kachestvo elit i uroven' ekonomicheskogo razvitiya v stranakh Evraziskogo ekonomicheskogo soyuza* [Quality of elites and the level of economic development in the countries of the Eurasian Economic Union]. Gosudarstvennoye upravleniye i gosudarstvennaya sluzhba,

(2(89)), 210–219. <https://doi.org/10.52123/1994-2370-2024-1185>

Shebeko, K. K., Groshev, V. A., & Shabeko, D. K. (2021). Renta, kachestvo institutov i ekonomicheskoye razvitiye [Rent, institutional quality, and economic development]. *Vesnik Paleskaga* dzyaünaga universyteta. Seryya gramadskikh i humanitarnykh navuk, (1), 17–25.

Sorokin, P. A. (1927). Social and cultural mobility. Harper & Brothers.

Sorokin, P. A. (2005). Sotsial'naya mobil'nost' [Social mobility] (M. V. Sokolova, Trans.; V. V. Sapov, Ed.). Academia; LVS.

Transparency International. (2016, January 27). Indeks vospriyatiya korruptsii 2015 goda [Corruption Perceptions Index 2015]. Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. <https://gtmarket.ru/news/2016/01/27/7287>

Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. (2023). Reiting stran mira po indeksu kachestva elit [World countries ranking by elite quality index]. <https://gtmarket.ru/ratings/elite-quality-index>

Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. (2023). Reiting stran mira po Indeksu setevoy gotovnosti [World countries ranking by networked readiness index]. <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index>

Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. (2023). Reiting stran mira po Indeksu vospriyatiya korruptsii [World countries ranking by Corruption Perceptions Index]. <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index>

Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. (2023). Reiting stran mira po Indeksu innovatsiy [World countries ranking by Global Innovation Index]. <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index>

Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. (2023). Reiting stran mira po urovnyu protsvetaniya [World countries ranking by prosperity level]. <https://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index>

Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. (2023). Reiting stran mira po urovnyu slabosti [World countries ranking by fragility level]. <https://gtmarket.ru/ratings/fragile-states-index>

Vsemirnyy ekonomicheskiy forum. (2015, April 17). Indeks setevoy gotovnosti 2015 goda [Network readiness index 2015]. Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. <https://gtmarket.ru/news/2015/04/17/7128>

World Bank. (n.d.). Human Capital Project. The World Bank. <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital#Index>

World Bank. (n.d.). World Bank Open Data. The World Bank. <https://data.worldbank.org>

World Values Survey. (2017–2022). Wave 7 results in % by country weighted by weight [Study # WVS-2017]. <https://www.worldvaluessurvey.org>

КЕҢЕСТИК ОДАҒЫНЫң БҮРҮНГҮ ЕЛДЕРІНДЕГІ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДАМУДЫҢ ФАКТОРЫ РЕТИНДЕГІ ӘЛЕУМЕТТІК МОБИЛЬДІЛІК

Константин ШЕБЕКО*, экономика ғылымдарының докторы, профессор, «Туран-Астана» университеті, Астана, Қазақстан Республикасы, k.shebeko@tau-edu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3059-042X>

Дмитрий ШЕБЕКО, экономика ғылымдарының кандидаты, аға IT-аудитор, Bayer AG Kaiser-Wilhelm-Allee, Leverkusen, Германия, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-3944-2740>

SOCIAL MOBILITY AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE COUNTRIES OF THE FORMER USSR

Konstantin SHEBEKO*, Doctor of Economic Sciences, Professor, "Turan-Astana" University, Astana, Republic of Kazakhstan, k.shebeko@tau-edu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3059-042X>

Dmitriy SHABEKO, Dr.Senior IT Auditor, Bayer AG, Leverkusen, Germany, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-3944-2740>